

О МНОГООБРАЗИИ

НИГДЕ не найти такого причудливого и нередко неожиданного сочетания природных, экономических, социальных и политических особенностей, как у освободившихся от колониальной зависимости государств. Поэтому само многообразие, несхожесть становится частной проблемой для отдельных развивающихся стран и общей — для всего третьего мира. Остановимся на ряде проявлений феномена многообразия, чтобы лучше и конкретнее ощутить его, чтобы увидеть новые аспекты социально-экономической эволюции большей части планеты.

Первое, что бросается в глаза, — это огромные перепады в **численности населения**. Из 89 стран третьего мира население в 11 — менее миллиона человек в каждой; в 37 — колеблется от одного до пяти миллионов. Вместе эти две группы государств составляют больше половины их общего числа, но количественно — всего 7,4 процента населения 89 стран. В государства с числом граждан от 5 до 20 миллионов попадает 27 стран; в них сосредоточивается 18,8 процента жителей. Это, так сказать, средняя по количеству населения категория государств. Зато в 14 странах с населением от 20 миллионов и выше живет 73,8 процента населения третьего мира. Следовательно, третий мир — это рой мелких государств, окружающих небольшое число крупных по численности населения — да и по территории — стран.

Если обратиться к экономическим показателям, то мы довольно быстро обнаружим, что действие ряда факторов (неодинаковость обеспечения разведанными природными богатствами, особенности социально-экономического развития и т. д.) приводит к резкому различию в производстве **валового национального продукта на душу населения**. На середину 60-х годов по этому показателю третий мир далеко отстал от хозяйственно развитых государств. Внутри его самого также существуют резкие колебания при применении данного эталона. Так, из 89 развивающихся стран у 31 на душу населения приходилось менее 100 долларов в год. Интересно географическое размещение этих стран: 22 — в Африке, восемь — в Азии и одна — в Латинской Америке. В 17 государствах валовой национальный продукт на душу населения составлял 100—199 долларов. Если опять обратиться к географии, то окажется, что девять этих государств — африканские, семь — азиатские и одно — южноамериканское. В следующий разряд — 200—499 долларов на человека — попали 32 страны. Теперь из континентов лидирует Латинская Америка — 17, затем идет Азия — семь, Африка — шесть и прочие страны — две. Наивысший показатель — 500 долларов и более — был только у девяти развивающихся стран (из них в Латинской Америке — пять, в Азии — две, в Африке — одна и прочие — одна). Таким образом, в третьем мире преобладают (численно) страны с крайне низким доходом на душу населения, причем относительно более бедные находятся преимущественно в Африке, а относительно более развитые — в Латинской Америке.

Различия в величине валового отечественного продукта, приходящегося на одного жителя, отражают неодинаковый уровень развития производительных сил в отдельных частях третьего мира. Но они не показывают различий в **структуре** народного хозяйства. Конечно, для всех развивающихся стран характерна аграрно-сырьевая специализация, и все же экономика отдельных государств обладает заметным своеобразием. Количественно это проявляется, в частности, в неодинаковой **доле обрабатывающей промышленности в валовом национальном продукте**. По имеющимся данным по 70 развивающимся странам, у девяти (исключительно африканских) эта доля ниже пяти процентов, у 15 (12 африканских и три азиатские) составляет пять-девять процентов, у 38 (20 — латиноамериканских, 11 — азиатских и семь — африканских) — 10—19 процентов, у восьми (соответственно четыре, две и две) — от 20 процентов и выше. Таким образом, налицо определенная связь между степенью диверсификации экономики и величиной валового отечественного продукта, приходящегося на душу населения.

Возможно, один из лучших показателей уровня экономического развития, в его, так сказать, наисовременной форме — **энерговооруженность**. Энергетика третьего мира — проблема, достойная отдельной статьи. В данном случае ограничимся кратким изложением основных выводов. Для этого воспользуемся сведениями, имеющимися по 85 развивающимся странам. Годовое потребление энергии в килограммах условного топлива обнаруживает следующие колебания: в 31 стране оно не превышало 99 килограммов, в 25 составляло 100—299 килограммов, в 16 странах — 300—599 килограммов и в 13 — превосходило 600 на человека. Государства третьего мира расположены примерно в одной климатической зоне, что еще более подчеркивает серьезные различия между ними. В основной части государств душевое потребление энергии едва превышает ее расходование в личном хозяйстве — это почти адекватное выражение слабого развития современного производства, транспорта и т. д. Все же определенная хозяйственная дифференциация проступает и в приводимых цифрах.

В третьем мире при колоссальном многообразии общественных явлений продолжает сохраняться тягостное однообразие в **структуре экспорта**. Это порождено действиями империализма и составляет хозяйственную основу неравноправного положения развивающихся стран на мировом капиталистическом рынке. В середине 60-х годов у 68 из 78 развивающихся стран трех континентов на сырьевые товары падало 80 процентов (и даже больше) стоимости вывоза, у шести — 50—80 процентов и только у четырех — менее 50 процентов (причем у двух значительная доля экспорта приходится на алмазы). Любопытно, что латиноамериканские государства целиком попали в первую категорию. Это обнаруживает далеко не прямую зависимость структуры вывоза от степени внутренней дифференциации экономики (и ее общего уровня). Было бы неверно полагать, что относительное однообразие характера экспорта

исключает его многообразие при ином подходе к той же проблеме — например, при выяснении значимости внешнеэкономических связей для народного хозяйства той или иной страны или для выявления различий в размерах прошлой колониальной зависимости и нынешнего империалистического грабежа.

Характер связей с мировым хозяйством и их количественное разнообразие в какой-то мере можно проследить по отношению **объема экспорта молодых государств к величине валового отечественного продукта**. Из 78 развивающихся стран только у 18 это соотношение было ниже 10 процентов, у основной массы — ограничивалось 10—30 процентами, у одиннадцати — 30—50 процентами и у пяти — превзошло 50 процентов. Абсолютная величина участия развивающихся стран в межгосударственных экономических отношениях в пересчете на **душу населения** очень мала. В подтверждение приведем следующие цифры: из 79 государств в 45 на душу населения приходилось (по стоимости экспорта) менее 50 долларов. Для крупнейших по территории и количеству жителей стран этот показатель соответственно равнялся: Индия — три доллара, Пакистан — пять, Индонезия — семь, Нигерия — 13, Бразилия — 20 долларов. У 19 государств на душу населения приходилось от 50 до 100 долларов экспортной продукции в год, у десяти — от 100 до 200 и лишь у пяти — свыше 200 долларов. В последних двух группировках преобладают нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие страны, перевалочно-перерабатывающие центры (вроде Сингапура) и небольшие государства с резко выраженной экспортной монокультурностью.

Из немногих поддающихся сравнению показателей социально-культурного развития приведем только один — грамотность. По уровню грамотности диапазон колебаний в третьем мире также очень велик. Из 83 развивающихся стран, данными по которым мы располагаем, у 36 процент неграмотности превышает 81, у 21 — варьирует от 51 до 80 процентов, у 20 — от 21 до 50 процентов и только у шести государств не переходит рубежа в 20 процентов. Велики контрасты по наличию и подготовке специалистов, по количеству учащихся на душу населения и по другим показателям.

Приведенные выше цифры демонстрировали статистику положения, моментальный снимок его многообразности. В предшествующих статьях данной серии, опубликованных в нашем журнале в 1968 году, приводились сведения, показывающие динамику изменений. Это уже временная неравномерность, складывающаяся из своих дробных потоков, из собственных завихрений и водоворотов. Напомним в этой связи лишь два показателя: темпы роста валового отечественного продукта и темпы роста населения. За 1960—1965 годы первый показатель в отношении 72 стран дал следующую картину: 14 не достигли до трехпроцентного роста в год, 26 достигли трех-пяти процентов, 25 добились прироста от пяти до восьми процентов и семь превысили восьмипроцентный рубеж. Движение народонаселения в 1959—1965 годах складывалось так: у 25 стран ежегодный

прирост доходил до двух процентов, у 37 составлял свыше двух и до трех процентов включительно, у 23 превысил три процента (максимум равнялся 4,4 процента). В предыдущих статьях приводились данные о хронологических переменах в величине внутренних накоплений, в диверсификации, во внешнем финансировании и по некоторым другим признакам. Все это расширяет наше представление о многоликости третьего мира. Но есть ли во всем этом какая-нибудь система, стройность?

Очевидно, что сразу убеждаешься в одном — в разнообразии социально-экономической эволюции. Однако соотношение отдельных показателей хозяйственного и социального положения продолжает представляться весьма хаотичным. Действительно, одни и те же государства, классифицируемые по разным признакам, составляют каждый раз совершенно иные комбинации. Для примера возьмем четыре государства двух континентов и посмотрим, в каком порядке группируются они по четырем показателям (на середину 60-х годов).

Страны	Валовой отеч. продукт на душу населения, в долларах	Валовой отеч. продукт, приходящийся на долю обрабатывающей промышленности, в %	Доля сырьевых товаров в экспорте, в %	Неграмотность, в %
Цейлон	137	6	99	32
Камерун	111	10	97	90
Индия	92	18	51	72
Дагомея	70	8	94	95

Из таблицы проступает лишь порядковый разбой: по величине валового отечественного продукта на душу населения впереди Цейлон, позади всех — Дагомея; по доле готовых изделий впереди Индия, позади — Цейлон и т. д. Великое разнообразие в третьем мире особенно заметно создают небольшие и средние по размерам государства. Историческая, природная и иная специфика проявляется в них с большей, хотя и односторонней, яркостью. То же следует сказать о чрезмерном действии на них одного из факторов (социальных, экономических и т. д.), которые в крупных государствах больше уравниваются воздействием других факторов и причин. Однако если в границах больших стран проистекает соответствующее районирование, то мы обнаружим и в них сильно схожее ожерелье различий (особенно в пределах континента). Тут неодинаковость и **неравномерность** общественного развития привела к внутреннему многообразию, которое в чем-то усредняется, когда страна берется целиком. Это усложняет сравнение и одновременно увеличивает калейдоскопичность третьего мира.

Читатель, вероятно, уже несколько утомлен некоторым обилием приведенных выше статистических данных. Но иначе почувствовать пестроту и чересполосицу сегодняшней действительности развиваю-

щихся государств просто невозможно. К тому же ведь перед нами далеко не все главнейшие показатели хозяйственной жизни третьего мира.

Методология марксизма-ленинизма снабжает исследователей необходимой основой для научных поисков в новой области общественной жизни наиболее многочисленной части человечества. Для выяснения общей картины, общих тенденций развития данного вида общества необходимо сперва расчленив его, проанализировать отдельно состояние и уровень производительных сил, затем — производственных отношений, далее — характер надстроечных институтов и политики и, наконец (о чем следует упомянуть при беглом перечислении «дробления» предмета), — характер и расстановку классовых сил. При последующем сведении вместе этих и некоторых других «деталей» и дополнительном выяснении характера их взаимодействия мы получаем знание сложнейшей общественной «машины» и возможность предсказывать вероятные результаты ее работы. Классики научного социализма создали для этого принципиально новую науку — исторический материализм, творческое применение которого обязательно для раскрытия объективных законов эволюции третьего мира. Речь может идти именно о творческом применении материалистической диалектики для изучения Востока, на что настоятельно обращал внимание В. И. Ленин. С какой прозорливостью и гордостью писал он в статье «О значении воинствующего материализма» о том, что «...каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм»¹.

Однако творческое применение марксизма-ленинизма при изучении современных развивающихся стран — дело очень сложное, трудоемкое и требующее дружных и согласованных усилий больших коллективов исследователей. В данной статье обращается внимание на некоторые аспекты, преимущественно связанные с двумя моментами: с состоянием производительных сил и спецификой производственных отношений.

Приведенные выше факты отмечали отдельные черточки как производительных сил, так и производственных отношений, но не давали основы для классификации ни тех, ни других и зачастую лежали на грани обих явлений. Нередко в зарубежной литературе об этих показателях говорят как о «факторах развития» и подчеркивают необходимость их комбинированного использования. Предлагаются также различные определения уровня развития для группировки стран, например, такое: «способность данной страны производить товары и предоставлять услуги для удовлетворения растущих потребностей населения за единицу времени и создать твердую основу для ее будущего экономического роста».

Нельзя не отметить наличие значительного рационального зерна в подобном подходе. Тут, пускай в своеобразной форме, правильно, на наш взгляд, присутствуют два важнейших момента: уровень производительности национального труда и технико-экономическая способность к расширенному воспроизводству. Первый признак — производительность национального труда — является важнейшим для технико-экономического сравнения и классификации государств, особенно развитых. Однако для третьего мира его нельзя считать абсолютным, ибо он непосредственно не обуславливает его способность к даль-

нейшему повышению на национальной основе. Разные уровни национальной производительности труда могут быть связаны, причем не прямо, с иной степенью приближения к самостоятельному расширенному воспроизводству. Поэтому желательным первым признаком корректировать вторым. Однако, как отмечалось в одной из предшествующих статей этой серии, подавляющая часть развивающихся стран все глубже погружается в тяжелейший кризис хозяйственных структур, что, в частности, демонстрирует отсутствие собственной базы для дальнейшего и ускоренного осуществления расширенного воспроизводства. Так что упомянутое корректирование при долгосрочном подходе — также весьма относительно.

Разбор положительных и отрицательных сторон отдельных показателей, пригодных для классификации, уточнение и исправление их можно было бы продолжить. Но в самом лучшем случае это приведет нас лишь к более точному сравнению **производительных сил** отдельных частей третьего мира. Это не будет сравнение уровней экономического развития, так как осуществить его по таким признакам научно невозможно, ибо они не включают **социальный фактор** или его главнейшие черты. Вероятно, чувствуя этот порок, иногда в практических целях предлагают включать в набор «факторов развития» и такие, как степень товарности хозяйства (или товарного производства) или социального развития (измеряемого процентом грамотности, выпуском специалистов и т. д.). Подобные факторы, конечно, необходимо учитывать, они важны. Однако и здесь не ухватывается существо своеобразия производственных отношений и их существенные нюансы по странам. Огромный интерес к экономической классификации развивающихся государств уже давно (особенно для международных организаций) порожден потребностями практической политики, необходимостью выработки особых мер интернациональной поддержки наиболее хозяйственно отсталых районов третьего мира.

Возможно, некоторые читатели помнят, что раньше (в основном до развала колониальной системы империализма) существовало стремление группировать страны, исходя из уровня развития в них капитализма. Безусловно, определенный резон в таком подходе был и даже остается. Некоторая прямолинейность политических выводов, делавшихся из подобного подхода и не подтвержденных жизнью, а главное — колоссальные перемены, сопровождавшие распад колониальных империй, заставили загвоздить о сложности и новизне событий и позабыть (а не исправить) некоторые перспективные находки прошлого. В итоге расцвело описательство.

Резон заключался в том, что (пускай невольной) отмечалась эволюция капиталистического уклада, как правило, ведущего среди других укладов или становящегося таковым. Не хватало «немного»: заметить другие уклады, проанализировать их и изучить, понять их взаимодействие между собой и посмотреть, какие выводы из этого вытекают. **Многоукладность**, важнейшая специфика производственных отношений в третьем мире, дает одновременно прочную, надежную основу для классификации стран по социальному признаку. Здесь мы сталкиваемся со своими трудностями, со своей особой диалектикой. Но если пробиться сквозь них и понять пройденное, то в результате через пестроту почти «первозданного» многообразия начнет проявляться логика и система, возникнет понимание проблемы особой неравномерности социально-экономического развития в третьем мире.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 30.